16+

Сергей Кулаков

Сны фантазии

сборник рассказов

Сергей Кулаков

Сны фантазии

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Кулаков С. А.

Сны фантазии / С. А. Кулаков — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Сборник рассказов. Некоторые мысли, идеи при написании этого сборника берут свое начало в текстах Х.Л.Борхеса, но в большей мере для того, чтобы полемизировать, спорить с аргентинским писателем…

© Кулаков С. А., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

О законах города К. 5
Город мертв. 8
Сон Одиссея. 10
В покоренном городе. 11
Незаконченное стихотворение. 12
Лабиринты, сны… 14
Превращение. 15
Желание создателя. 16
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Сергей Кулаков
Сны фантазии

О законах города К.

В городе К. порядок, жизнедеятельность и торговлю, поддерживают законы, принятые ещё в древние-древние времена. Времена эти так далеки, так туманны, так незапамятны, что теперь никто (включая самых знаменитых историков), не может даже приблизительно их обозначить. Но законы действуют! Надо признаться, действие их весьма эффективно.

Власти города К. всегда заявляли: процветание города – напрямую зависящее от благосостояния своих горожан, и являющееся предметом неоскудевающей зависти прочих селений, городов и областей, окружающих город К. – несомненно, берет истоки в законах, выработанных давно почившими праотцами, имен которых, к сожалению, никто уже (включая тех славных историков) не помнит.

Эти законы, для большинства жителей города К., так же туманны и не известны, как и времена, в которые упомянутые законы были разработаны, приняты и внедрены для ежедневного их использования. Никто и никогда не видел манускриптов, где мудрые законы были записаны. Злые языки, которых повсюду хватает, нашептывали: Никаких законов вообще не существует; более того – их никогда не было… Это гнусное вранье и пасквиль! Скорее всего, подобными утверждениями злоупотребляет наиболее либеральная часть граждан. Они готовы подвергнуть сомнению буквально всё, что встречается на их просвещенном пути: существование Бога, конечность вселенной (вопреки блестящему доказательству одного чудака-математика); группа сих просвещенных мужей пыталась даже отменить закон тяготения, по причине, что его нельзя никоим образом осязать. Тогда некий школьный учитель физики, используя обыкновенный бутерброд, намазанный маслом и покрытый пластинкой сыра, не только показал мужам, преисполненных сомнений, действие сего закона, но и стал увлеченно доказывать: отчего бутерброд будет всегда падать маслом вниз. Говорят, будто те высокомудрые мужи хотели опровергнуть ещё и смерть, да после истории с бутербродом, когда граждане города стали откровенно потешаться над ними, дебаты, по поводу недоказанности существования смерти, пришлось отложить.

Но вернемся к нашему вопросу. Кто-то пустил слух: мол, никаких древних законов нет, да и не было никогда, а иначе – отчего их никто не видел? Тяжкое обвинение, которое способно расшатать древние устои города К.; понимая это, все-все влиятельные союзы, партии и группы, одна за другой заявили, что не сомневаются (никогда не сомневались!) в существовании сих мудрых и справедливых законов. Но сам вопрос не исчез! Он продолжал смущать умы многих, да-да, многих…

Сомнения пытался развеять бургомистр. Он воодушевленно и твердо заявил в тщательно подготовленной, парадной речи: всякие спекуляции на данную тему не имеют под собой никаких оснований. Почему? Многие века тому назад – возможно, как только начали использовать законы в городе К. – была учреждена специальная служба, которая до сих пор занимается контролем за исполнением славных законов. Разве это не является лучшим доказательством самого факта существования древних законов? Ведь нет никакого смысла контролировать то, чего не существует.

– Посему, – торжественно и значительно закончил свою речь г-н бургомистр – призываю всякого, кого грызет червь сомнения (хоть я не вижу для этих сомнений причин), не смущать

умы добропорядочных граждан нашего славного, древнего города необдуманными речами, а обратиться в указанную службу за подробными разъяснениями.

Многие удовлетворились речью г-на бургомистра, теми доводами, которые он привел, а также замечательным советом, предложенным для господ преисполненных вечными сомнениями. В одном только была загвоздка: сколько бы ни посылали заинтересованные лица, запросов в эту службу, с просьбой, с предложением, с требованием предоставить им текст того или иного закона, или подзаконного акта, или поправки к закону,– служба неизменно отвечала отказом. Причины отказов были размыты, или витиевато-уклончивы, или – напротив – тверды, а смысл их заключался в том, что разобраться в тонкостях древних законов, под силу лишь многоопытным сотрудникам службы, ибо членство в ней исстари передается по наследству; сотрудники службы штудируют законы с младых ногтей, чтобы к достижению совершеннолетия (обязательного для вступления в должность сотрудника службы) «плавать» в этих самых законах, точно рыба в воде. Кстати говоря, установление, определяющее primatus[1] толкований законов города К. сотрудниками службы, также является одним из мудрых законов, установленных в незапамятные времена.

Как, спросите вы, можно не испытывать сомнений в том, что служба не узурпировала свои полномочия и не злоупотребляет этим? Представители службы решительно опровергают подобные домыслы. Аргументы их чрезвычайно просты:

а) сотрудников службы не интересует ни слава, ни власть – все они, без малейшего исключения, происходили и происходят из самых влиятельных и богатых семей города, которые всегда вели крайне замкнутый а, следовательно, и скромный образ жизни;

б) сотрудники службы за символическую плату, и по своей доброй воле, выполняют единственную задачу – следить за неукоснительным соблюдением гражданами города К. мудрых и древних законов, выработанных их далекими праотцами. В каких злоупотреблениях их можно упрекать?

Некоторые жители города К., время от времени, с возмущением выкрикивали на улицах, что сотрудники службы сами частенько нарушают законы, по которым они присуждают наказания, либо даруют блага тем или иным согражданам. Надо признать: те ни в коем случае не отрицали подобных фактов. Но, к чести своей, смело объясняли во всякого рода собраниях: да, согласно праотеческим законам, они полностью освобождены от выполнения самих законов. В противном случае, непременно бы возник ужасающий бюрократический механизм: за их работой должна была следить иная служба, а за ней – следующая, и так далее, и так далее… Расходы на такую бюрократическую махину со временем, непременно, достигли бы колоссальных размеров, и, разумеется, ни о каком процветании, благосостоянии и покое горожан не могло бы идти и речи. Многим, очень многим, довод этот показался вполне разумным. Большинство жителей пришло к мнению: лучше сотня-другая сотрудников службы будет находиться вне действия законов, и внимательно (даже строго!) блюсти, чтобы их исполняли другие, чем плодить – а затем ещё и прокармливать – орду дармоедов, которая бездействием, ленью и жаждой наживы, скоро сведёт к нулю благотворное влияние старинных законов на жизнедеятельность и процветание города. В результате множества плебисцитов, жарких политических баталий, завершившихся всенародным референдумом, упомянутой службе дозволено было продолжить свою деятельность, как ей предписывали древние законы, находившиеся в ведении этих людей (и в благом неведении остальных). Чтобы не допустить более брожение умов по данному вопросу (ведь, с течением времени, память об этих событиях и жарких дискуссиях, вероятно, полностью изгладилась бы, что, конечно же, дало толчок к новым смятениям среди граждан города К.), решено было опубликовать специальное постановление. В нем устанавливалось ограничение: число служащих контролирующей службы, не могло превышать

[1] – (лат.) первичность;

настоящего их количества. То есть 317 преданных своему делу и, возможно, одних из наилучших жителей города. Упомянутую службу торжественно реорганизовали в закрытый орден с подробно изложенным уставом, в котором новоиспеченый орден возлагал на себя ответственность за управление городом на вечные времена, а также брал на себя хлопоты по назначению бургомистра, и обещал заботиться о процветании и моральном здравии горожан, а те, в свою очередь, торжественно обязались в верности и подчинении ордену на всем протяжении действия данного договора. Красиво напечатанный документ был первым законодательным актом, выставленным для всеобщего обозрения под толстым стеклом в городской ратуше. Глубоко удовлетворенные горожане, воодушевились этим событием. Недовольных более не встречалось на улицах древнего города К., не смущали слух и возмущенные выкрики, прежде вырывавшиеся из сиплых, сорванных глоток, но повсюду слышались одни спокойные, сытые и разумные голоса.

Людей, которые прежде высказывали недоверие к действиям службы (реорганизованной в правящий городом орден) больше никто, никогда не видел. Возможно, недовольство этих немногих было так глубоко, так непримиримо с результатами состоявшегося народного волеизъявления, что они, в знак протеста, поспешно и навсегда покинули пределы процветающего города К.

Город мертв.

Кто-нибудь помнит, когда возник этот город? Где, в каких летописях отмечено его возникновение? Что было тут «до»? Любопытный вопрос! Скорее всего – лес. Всегда оказывается, что поблизости был лес, едва начинаешь копать вглубь… не земли, конечно – истории. Много, много деревьев – есть из чего строить! Ещё – река. Должна быть река где-то поблизости. Куда без реки? Без леса, кстати, тоже… в смысле – некуда! В общем, до того, как город начал быть, ничего здесь не было, и всё, что начало быть, начинало быть там, где не было прежде ничего. Была река, и был лес.

И пришли люди. Откуда? Неизвестно. Может, они пришли с востока? Да, могли и оттуда. Пускай будет с востока. Сначала – немного, сначала их было немного. Потом… потом стало больше. Приходили уже отовсюду. Нашли место благоприятное, расчистили, подготовили, сказали друг другу: построим город, чтобы жить в нем. И начали строить жилища, строить здания. Из стеблей, веток и глины строили, из дерева, затем: из земли обожженной, из камня, из железа, стекла и бетона возводили дома…

Город! Город, выросший из ничего. Поднялся-окреп-разросся, большим стал, богатым, до небес вознесся. Блистает, блистает, переливается, взблескивает то здесь, то там богатыми расцветками: яркими, самоцветными… Раскинулся величаво на многие версты, точно паутина из улиц, дорог и каналов, что огромный паук соткал, разостлал, растянул, устроил для ловления многих.

И приходили многие, и селились, и было им хорошо. Богатства стекались в город, а труд здесь был не такой изнуряющий, не такой тяжкий, как труд землепашцев, труд скотоводов. Возится, копошится город с утра до вечера, и до утра отдыхает, веселится, а потом опять на работы выходит, и нет человеку покоя.

Прежде, давным-давно, в своем одиноком, диком житье на просторах степи или в омуте леса, трепетал человек душой, боялся, жался к Богу, несмело пытался заговорить с Ним, хотел узнать ответы на будоражащие душу и разум вопросы. Но в городе – среди многих других людей – вопросы, потребности человека мельчались, сыпались прахом под ноги, из прежних глыб превращались в пыль: Где найти пропитание? Как жизнь свою сделать приятной, веселой?..

Не страх пред Господом, не удивление перед миром, созданным Им – жажда всё знать завладела человеком; затем – наполнила его скука, вместе с опустошающей тоской. Город-ловушка, город-паутина: попав в его сети, человек опутался только заботой прокормиться и ещё: не стать «другим, таким же», но – непременно лучше «тех, остальных». Пускай сегодня не получилось, не вышло, но завтра, да, завтра…

Вновь и вновь требует город от человека выходить на поиски пищи для тела, миражей и фантомов – для ума, веселья и праздности – для души. День ото дня, без продыха, в постоянном напоре, круговерти – торопится, спешит за прокормом, за призраком ускользающего счастья. Уже и не город, сам человек опутался крепкими сетями, которые соткал и разбросил, и смазал клеем праздности, удобств, и завернулся в липкие эти сети, и сидит в этом коконе, отделившись от всех, воображая, что здесь он не самый худший.

И кажется человеку: вот закалил он себя, выковал суровый, стальной характер, вложил в него алмазную волю, и нет ничего, что смеет не подчиниться ему… О душе лишь забыл человек! Да нет, не забыл; если бы мог – выдернул вон эту душу, шмякнул оземь, крикнул Тому, Кто дунул внутрь ему этой самой душой: иди, иди, забирай Свою никчемность, хватит с меня Твоих забот. Не может! Вот так, запросто вытащить – не может. Может лишь понемногу уморить ее: становится сухой и ломкой душа, ветшает, крошится, истирается в пыль, увядает…

С увядшей душой, человек не может иметь счастливого облика. Обыденность давит, не хватает не воздуха, вернее, не только воздуха – без воздуха человеку «всего лишь» становится дурно – не достает понимания смысла бытия, проще сказать – жизни. К чему весь этот цирк, весь этот балаган? Зачем, из года в год, кривляться в нем? Души томятся от жажды, души голодны. Они так голодны, как не был голоден ни один нищий бродяга. Этот нищий, хотя бы на помойке, может найти себе куски пропитания… На каких помойках отыщет душа ошметки милосердия, крохи великодушия, лоскуты сострадания, корки любви? Тоска заполняет нас, входит, подобно бетону, вытесняя прочь живую, трепещущую душу, все то, что от неё осталось. Это даже не холодная, далекая, недоступная красота мрамора, это – серая, обыденная, шероховатая никчемность. Просвета нет, ничто не светит нам. Слишком долго думал человек: Вот, творю себе рай… Как же оказался он в аду?

Разве есть смысл в том, чтобы готовить себе ловушку? А когда нет смысла – бессмысленности хоть отбавляй: распад повсюду, связей прежних нет, одна лишь злость растет и заполняет всё. Грядет, близится смута, мятеж, насилие… Потому, что наступил предел тоске и скуке, и надо кому-то гневному покончить с каждодневной, каждодневной, каждодневной рутиной, и разъединиться, устав от остальных. Город оглушает человека, сминает его трепещущую, одинокую душу своим изощренным многообразием. Человек хочет спастись. Первое, что он делает – игнорирует остальных.

Когда-то встарь, появился человек, уставший от рутины одинокой, тяжелой жизни. Он сказал другому: Давай построим город и будем в нем жить…

Человек просыпается. Человек выходит на балкон. Смотрит. Вокруг белым-бело… Ничего не видно. Мира не видно. Может, его уже нет. Есть туман – плотный, белый, липкий. Никого, ничего не видно. Доносится металлический стук, размеренный лязг железа. Работает бездушный огромный механизм, что-то мастеря, сооружая, возводя там, в этом плотном, молочном тумане.

Появляется очертание чего-то сильного, огромного… как башенный кран. Оно мастерит, строит, трудится… Вовсе это не кран! Человек видит: в тумане, повернувшись к нему спиной, сам дьявол трудится над своим детищем, возводит новые строения, дома, постройки. Лязг-лязг… лязг-лязг… лязг-лязг… Растет город, подманивает в ловушки свои новых людей.

Почувствовал дьявол, что наблюдают за ним: обернулся, через плечо сверкает блеском красных глаз, осклабился. Смотри, смотри, человек; смотри и бойся! Но у человека нет ужаса, только ощущение безысходности, нескончаемой тоски. Дьявол уже и не глядит на него – дел слишком много! Трудится, мастерит, строит, помахивает хвостом, нагоняя повсюду, повсюду туман. Ничего, ничего, кроме тумана не видно.

Повсюду разносится металлический, мерный звук. Человек, не в силах вынести этот звук. Ему хочется свернуться комочком в теплой своей кровати, накрыться с головой одеялом… Он идет к постели. Он ложится. Он спит.

Сон Одиссея.

Проснувшись в своей опочивальне, он еще какое-то время лежит. Немигающим взором глядит в стену. У стены стоит люлька с ребенком. В ней – его сын.

Проснувшись – лежит, едва дышит, ещё не совсем избавившись от своего сна. Он думает о том, что опять ускользнул, опять увернулся… Молит богов, чтобы не дали догнать ему в жизни этих видений, этих туманных видений, не дали дням его достичь миражей чудного сна.

Последнее время часто, слишком часто снится этот сон – повторяется изо дня в день. Повторяется, повторяется… неделю, может быть больше. Один и тот же. Он не может припомнить отличий. Возможно, их нет. Разве возможно, чтобы сон повторялся день за днем, день за днем?

Он оказывается в незнакомом месте. Это остров. Откуда он знает? Ответ ему неизвестен. Он не помнит, как попал сюда. Во снах часто бывает: начинается всё с того, что ты очутился в каком-то месте… На острове есть женщина. Она молода, статна, красива. Очень красива. Глаза – черные, бездонные, пустые… Она не похожа на его жену. Детей у них нет. Женщина с бездонно-пустыми глазами постоянно говорит, чтобы он не покидал её. Она говорит: только здесь он будет счастлив… Она тянет его в постель. В большую постель, устланную тонкой материей, гладкой на ощупь. Кожа у этой женщины тоже гладкая… точно ткань, которой застлана постель.

Кажется, он ничего иного не делает здесь: ест, да спит с ней. Ещё – гуляет по острову. Он хорошо его изучил. Он не чувствует себя здесь счастливо. Ни один, ни вместе с этой женщиной. Она пуста внутри, пусты её бездонные глаза. Тьма и пустота, тьма и пустота… Он желает, чтобы сон кончился, и он проснулся. Разве человек может управлять сном? Он просит, он требует у этой женщины, которая становится вдруг огромной, чтобы она отпустила его. Но она все время повторяет: Ты будешь счастлив только здесь…

– Чушь, какая чушь! Если бы она знала, если бы только знала… Проснуться, скорее проснуться; забыть этот кошмар, который никак не может закончиться. Боги, боги, чем я прогневил вас? Кажется, я застрял здесь, как мертвые в царстве Аида – навсегда.

Отчаяние велико, так велико… Он чувствует: слезы текут из глаз. Голос… Он слышит голос. Её голос. Он раздается сверху. Она зовет с высоты огромного роста. Она кричит. Голос её дрожит: Одиссей, Одиссей, час настал!

Он просыпается. Над ним склонилась супруга его, Пенелопа. Темные, бездонные глаза её полны удивления, трепета, страха… Она шепчет:

– Одиссей, Одиссей, царь Агамемнон прибыл к тебе. Там, там, – она тычет пальцем в окно, из которого виден залив – корабли, множество кораблей. Мне страшно…

– Не бойся, не бойся, – отвечает он, утирая слезу, скатившуюся во сне.

Затем подходит к люльке, где спит сын. Долго смотрит на него. “Я – дома. – думает он. – Каждый сон когда-нибудь кончится…” Он подходит к окну. Черные корабли покрыли поверхность залива, точно слой пепла… Тревога шевелится в груди. Он подходит к жене, она испуганно жмется к нему.

– Мне страшно.

– Ничего, ничего… – говорит он. – Мне нужно идти.

Он выходит из спальни. Он идет, оставив жену, сына…

В покоренном городе.

Город был захвачен и разграблен. Случилось то, что происходило прежде, и прежде этого прежде, и даже прежде того, что совершалось прежде. То бишь – ничего нового для исторического течения времени, но всегда необычное для смертного человека, которому нечасто доводится быть свидетелем подобного зрелища, и потому испытывающего от всех этих действий, переполненных ужасом насильственной смерти и грабежами, и вопиющими беззакониями, лишь омерзение вместе с ощущением собственной слабости и тщеты.

Повсюду господствовал хаос разрушения: дома, в которых отсутствующая внешняя стена (или даже две) обнажала разгромленное, развороченное жилье; жуткие остовы выгоревших жилищ с закопченными стенами без дверей, без окон, без крыш; дымящиеся обломки, когда-то бывшие зданиями… Кое-где виднелись под грудами камней и расщепленного дерева, неубранные трупы людей, животных (чаще собак). Не было птиц. Ни одной пичуги – все улетели, попрятались, замолчали, закрыли свои вечно щебечущие клювы. Тишина. После невыносимого шума, скрежета и воя сражения – густая, тягучая тишина; плотная, точно комок ваты в ушах. Кажется: звуков больше нет. Никаких. Сражение уничтожило их, раздробило на мелкие кусочки. Нет, нет: порыв налетевшего ветра зашелестел листвой уцелевшего дерева, и помятый железный лист сорванной с крыши кровли, едва держась на скобе, начал своё хриплое, заунывное нытьё…

Поодаль сидел человек. Его пытливый взор устремлен был на участок пыльной земли, на котором чертил он обломанной веткой; затем, выпрямив спину и, обхватив подбородок рукой, долго смотрел человек на свои знаки. К нему подошел солдат. Встал прямо на начерченные знаки. С холодным презрением смотрел на чудака-человека. Тот поднял гневный взгляд.

– Эй ты, пошли, – грубо сказал солдат.

– Убирайся с моих записей! – ответил ему человек.

Солдат, не колеблясь ни на мгновенье, вытащил оружие и убил человека. Тот свалился на землю, предсмертными хрипами сдувая то, что было начерчено им. Солдат ушел прочь. В покоренном городе было еще много других дел, которым научила его война.

Незаконченное стихотворение.

Теперь и не вспомню, когда приснился тот сон. Пожалуй, во время дневного отдыха. Да и не был он сном, скорее – видением: там, в темноте закрытых глаз, среди движущихся вверх-вниз точек и стеклянных ниточек, возникло облако, переливающееся бледным, опаловым светом, и в облаке – появившемся перед моим внутренним взором – точно резные, проступили письмена. Какая-то короткая строка (а, может, одно слово?), явилась из тумана неподвижного облака, будто Некто бесплотною рукою своей вывел надпись. Мне неведом был язык, я не понимал смысла этой надписи, но она манила меня, переливаясь, как бы вырезанная из драгоценного камня. Время остановилось, а строка продолжала сверкать искристым светом…

Потом я открыл глаза. Видение моё исчезло. Я не помнил надпись, как не понимал её смысла. В памяти осталось только облако, светившееся изнутри бледно-опаловым светом и чудесный блеск, которым блистали таинственные письмена. Они не давали мне покоя, играли с моим воображением, и, неприметно для себя, я втянулся в эту игру. Сложилась сама собою первая строка, на неё начали нанизываться слова второй, рифма которой должна была переплестись с рифмами четвертой строки и шестой, а пятая строка сцеплялась с седьмой и девятой, и – вот так – дальше плелось бы кружево стихотворения.

Плетение прекратилось так же неожиданно, как и началось, и я не мог двинуться дальше. Там, в видении моём, будто бы Кто-то выключил чудесное сияние, и всё опять погрузилось во мрак тьмы. Стихотворение замерло, застыло, оно не давалось мне. Я попробовал насильно закончить его, довольствуясь тем, что уже написано – трюк не удался. Стихотворение, точно дикое животное, отпрыгнуло, забилось в угол и приготовилось дать отпор. Я решил выждать и, спустя некоторое время, вновь подступиться к нему. Однако, время скорее успокоило меня, нежели приручило стихотворение. Я изредка поглядывал на строптивые строки. Однако, стихотворение не обращало на меня никакого внимания. Только покой этот продлился недолго. Однажды, видение вернулось ко мне, во всем повторяя прежнее великолепное возникновение: явилось облако бледного света в темноте сомкнутых глаз, засверкала драгоценными переливами надпись на нем. Нет, я не был поражен видением моим, как в первый раз, но я жаждал увидеть его, впустить в свою душу, чтобы вновь начать плетение заброшенного кружева.

Мне – как и прежде – не удалось закончить стихотворение, опять оно увильнуло! Только теперь я знал (откуда? почему?), что когда-нибудь обязательно закончу его и тогда пойму смысл надписи, переливающейся в облаке из моего двойного видения. Но когда это случится? Когда?

Возможно, Кто-то играет со мной запутывая, уводя куда-то в сторону от намеченного пути, или, напротив, выводя из темноты неведения на неясную, далекую, но единственно верную дорогу.

Глаза прикрыв, как ставни у окна,

Я внутренним своим увидел взором

На облаке – резные письмена,

Отчетливым горящие узором,

Подрагивают знаками слегка,

Пульсируют в опаловом затворе.

Всего одна волшебная строка

Жила, дышала, было столько смысла

Внутри неё заключено, но как

Понять его, как этот смысл исчислить?

Что скрыто в этой тайной красоте,

Какие нам неведомые мысли?

Не знаю я значенье знаков тех,

Что видел я в своём виденьи кратком,

В возникшем облаке, в кромешной пустоте;

Пропали вдруг, исчезли без остатка?..

Лабиринты, сны…

Получив в наследство тяжелый недуг, человек, кажется, сумел найти выход из тупика, в который болезнь его заталкивала: утрачивая – год за годом – дар зрения, он приобретал постепенно известность искусного автора. Имея прекрасное образование и накопив значительный интеллектуальный багаж, он блистал эрудицией, знанием языков и философии. Ещё в ранней юности человек тот принял решение стать писателем…

Понимал ли он, что Господь затеял с ним обмен? Взамен дару творить, создавать новые миры, населять их своими созданиями (дар поистине божественный и неоценимо богатый), Он понемногу лишал человека возможности видеть окружающий мир. Может и понимал, только, судя по всему, не особенно различал удачу в оболочке несчастья. Легче всего делать подобные замечания со стороны, впрочем, взгляд отстраненный позволяет иногда понять то, в чем непросто разобраться, будучи погруженным в саму проблему. Хотелось ли человеку тому подобного обмена? Ну, величия и славы он определённо желал, а вот каким образом должно было это совершиться… Обычно Бог не спрашивает нашего мнения в подобных вопросах.

Быть может, не понял человек тот замысел Творца или намеренно стал его искажать?.. Так или иначе, в его текстах стали появляться отблески скрытых древних знаний: темы мрачных лабиринтов, олицетворяющих зло, и таких же темных снов. По сути, это были две стороны медали. Понемногу оба эти фантома начали преследовать автора, стали навязчивой идеей. Возможно, подобный поворот был бы лишь частью беды… Приобретя известность, писатель глубже и глубже погружался во тьму (теряющий зрение человек!) своих жутких лабиринтов и опустошающих снов. Там открылось человеку, что на них похожи ещё зеркала, и женское чрево, и другие вещи, которыми наполнена жизнь. Слепнущий мудрец, похоже, не понимал в какую ловушку увлекали его обширные познания. Возможно потому, что он так и не смог со всем смирением принять обмен, который предложил ему Бог, разрушающий разум разумных и отвергающий мудрость мудрых. Пути Господни неисповедимы для нас, однако Сам Он прекрасно понимает какой именно путь необходимо пройти каждому человеку.

В конце концов, писатель повторил в творениях своих ужасные древние ереси, утверждавшие, что отражение и деторождение есть зло, ибо они умножают ложь. Понимал ли он, что ступил в области, где господствует бывший светоносный ангел? Не думаю, не думаю… Провозгласив подобное, автор не заметил (или не захотел?!) изъян, который он допустил, горделиво повторив древние, тайные смыслы, в которых богохульно звучали обвинения Творцу. Ложь поверженного не исчезла: человек добровольно принял её, легкомысленно отвергнув запрет Бога, а воображение и язык стали не меньшими устроителями лукавств.

Превращение.

Однажды, подготавливаясь ко сну, некто N. надевал майку. Обыкновенную, старую, хлопчатобумажную майку с истертым рисунком на груди. Но не в рисунке же этом дело? Нет-нет, не в нем…

Возможно, от того, что майка от множества стирок истончилась, или, надевая её, странным образом заломилась рука, а может ещё от какого чудного совпадения, некто N. вдруг вообразил себя на мгновенье женщиной. Даже не вообразил (не точно сказано), почувствовал себя ею. Не то, чтобы физически, вовсе не это хочу сказать. Образ женщины заполнил его изнутри, как снаружи на тело опустилась старая майка: образ чувственной женщины с заломленной вверх рукой, и… с мужским телом. Как такое могло быть?

Желание создателя.

Один автор упоминал как-то в своем рассказе устами героя, замыслившего путешествие на священную гору, что смертные, дерзнувшие проникнуть в тайны богов, рискуют либо своим рассудком, либо зрением. Какая тонкая аллюзия: сам автор, обладавший чрезвычайно обширными и глубокими познаниями, к тому времени ослеп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.